

УДК 316.624

DOI: 10.17223/1998863X/41/16

Е.А. Мельникова

ДЕВИАНТНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА: ОТ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ НЕУВЕРЕННОСТИ К КУЛЬТУРЕ КОНТРОЛЯ

Ставится вопрос о перспективах социологии девиантности. Осуществляется анализ того, как социальные трансформации последних десятилетий видоизменили процессы генезиса и регулирования девиантности. Демонстрируется значимость онтологической неуверенности как фактора роста криминализации и расцвета культуры контроля. Делается вывод о том, что девиантность является значимым социальным институтом современности.

Ключевые слова: **девиантность, онтологическая неуверенность, Джок Янг, социальный контроль.**

Введение

У социологии девиантности сложная судьба. Востребованная и даже модная в 1960–1970-е гг., сегодня эта дисциплина находится в плачевном состоянии, свидетельство тому – оживленная дискуссия о «смерти» социологии девиантности, которая начиная с 1990-х гг. ведется в западных социологических и криминологических журналах (см., например: [1, 2]).

Колин Самнер в книге с характерным названием «Смерть социологии девиантности: некролог» пишет, что эта дисциплина, обязанная своим появлением на свет в конце XIX в. Эмилю Дюркгейму, прекратила существование в середине 1970-х гг. [3. Р. 5]. И действительно, конструктивистское ответвление социологии девиантности, ассоциирующееся, прежде всего, с теорией стигматизации (но не сводящееся к ней), уже долгое время находится под огнем критики. Во-первых, данный подход был раскритикован левыми мыслителями, указавшими на то, что конструктивизм в социологии девиантности способствует осуществлению скрытого институционального насилия, ведь исследователи в этом случае обращаются лишь к тем феноменам, которые соответствующим образом преподнесены общественному мнению («сконструированным») (см., например: [4]). Во-вторых, приверженцы конструктивизма в социологии девиантности активно критиковались и с правых позиций. Так, А. Хендершот в монографии «Политика девиантности» критикует Г. Беккера и его единомышленников за релятивизм и, как следствие, подрыв моральных основ общества [5]. Более ранняя, нормативистски ориентированная традиция исследования девиантности, впрочем, также была критически переосмыслена и «дисквалифицирована». В литературе, в частности, неоднократно отмечалось, что в современном мире, мире неопределенности, индивидуального выбора и плюрализма, подход, в основе которого – утверждение наличия неоспоримых ценностей и универсальных норм, представляется архаичным и несостоятельным. Вот как это комментирует К. Самнер: «Мы изменили мир, который породил социологию девиантности, и эти трансформа-

ции, в свою очередь, изменили то, как мы смотрим на мир. Социология девиантности больше не выражает наше видение в новом мире 1990-х. <...> Она лишилась голоса» [3. Р. IX].

В этой статье предпринимается попытка ответить на вопрос, как в условиях современного мира возможна (если возможна) социология девиантности. Для этого осуществляется анализ того, как социальные изменения, характеризующие эпоху высокого модерна, трансформировали процессы генезиса и контроля девиантности. В частности, рассматривается объясняльная схема, разработанная британским криминологом Джоком Янгом [6, 7]. Ключевой аналитической категорией для него выступает категория онтологической неуверенности (англ. ontological insecurity)¹.

Понятие онтологической неуверенности: от Рональда Лэйнга к Джоку Янгу

Автором понятия онтологической неуверенности является один из идеологов движения антипсихиатрии Рональд Лэйнг. Он использовал его для описания механизма возникновения шизофрении. По мнению Р. Лэйнга, закладываемая в детстве первичная онтологическая уверенность – условие формирования стабильной и вместе с тем пластичной личности. Такая личность воспринимает мир как целостный и непрерывный, при этом она обладает «чувством своего присутствия в мире» [8. Р. 33]. Соответственно, онтологически неуверенный человек, напротив, ощущает себя лишенным индивидуальности и непрерывности. При этом внешняя реальность представляется такой «раздробленной» личности преследующей и опасной. Со временем это приводит к тому, что она «начинает конструировать внутри себя „микрокосм“, в котором стремится стать полным хозяином» [9. Р. 80–81]. В конце концов, индивид преуспевает в этом и создает собственный мир, населенный фантомами, что знаменует начало шизофрении.

Энтони Гидденс позаимствовал у Рональда Лэйнга понятие онтологической неуверенности для описания общества постсовременности. Одна из характеристик этого общества – неизбежность жизни с опасностями, недоступными контролю индивидов и при этом высокоинтенсивными и угрожающими жизни миллионов (к числу такого рода опасностей относятся ядерная война, техногенные катастрофы и т.п.). Э. Гидденс задается вопросом: «Почему все люди не находятся постоянно в состоянии высокой степени онтологической небезопасности, продиктованной чудовищностью подобных экзистенциальных тревог?» [10. Р. 225]. И тут же дает ответ: источники безопасности «должны быть найдены в определенном характерном опыте раннего детства» [*Ibidem*]. Таким образом, как и Р. Лэйнг, Э. Гидденс ищет истоки онтологической уверенности в первых годах жизни человека: «„Нормальные“ индивиды получают на первоначальном этапе жизни базовую „дозу“ доверия, которая ослабляет или притупляет подобную экзистенциальную восприимчивость. Или, если использовать эту метафору, они получают эмоциональную прививку, защищающую их от онтологических тревог, которым потенциально под-

¹ В профессиональной литературе существуют разные варианты перевода английского термина «ontological insecurity» на русский язык: «онтологическая неуверенность», «онтологическая незащищённость», «онтологическая ненадёжность», «онтологическая небезопасность» и т.п. В данной публикации используется преимущественно первый вариант перевода.

вержены все человеческие существа. Действующей силой этой прививки являются в первую очередь те люди, которые заботятся о ребенке в детстве» [10. Р. 225]. Значимость подобной «эмоциональной прививки» в том, что она позволяет заложить базу для формирования доверия к другим. В дальнейшем индивид будет «извлекать» уверенность и надежность именно из надежности и честности других. Соответственно, «доверие к надежности объектов, не являющихся людьми... основывается на более простой вере в надежность и заботу человеческих индивидов» [Ibid. Р. 230]. При этом очень важна воспроизводимость даже самых на первый взгляд незначительных практик по-вседневной жизни, дело в том, что «когда по какой-либо причине подобные практики разрушаются, тревога начинает усиливаться и даже очень твердо укорененные аспекты личности индивида могут исчезнуть и измениться» [Ibidem].

Если социолог Энтони Гидденс адаптировал изначально «приписанный» к области психиатрии концепт онтологической неуверенности для целей социологического осмысления мира постсовременности, то британский криминолог Джок Янг, в свою очередь, успешно вписал его в рамки социологии девиантности и криминологии. По мнению исследователя, онтологическая неуверенность, которую он в самом общем виде определяет как «ненадежность бытия» [7. Р. 3], является атрибутом нестабильного и гетерогенного мира постфордизма. Источниками генерирования подобного ощущения «ненадежности» являются, во-первых, прекаризация занятости и обусловленная этим неустойчивость экономического положения и, во-вторых, кризис идентичности, спровоцированный «размытием» связей между позицией в социальной структуре и тем, с чем человек себя идентифицирует. Последнее, в частности, означает, что индивид отныне вынужден осмыслять свою жизнь в терминах биографического нарратива, а не классовой ситуации.

В книге «Вертиго позднего модерна» [Ibidem] Дж. Янг разрабатывает схему, интегрирующую различные типы неуверенности и депривации. Он, в частности, ссылается на описанное Нэнси Фрейзер различение между основанной на идеалах дистрибутивной справедливости политикой класса и имеющей в качестве своего обоснования справедливость признания политикой идентичности [11]. На основе этой типологии он выделяет два ключевых аспекта политической легитимации: это, во-первых, честное распределение материального вознаграждения и, во-вторых, уважение между индивидами и социальными группами. По мнению исследователя, в обществах позднего капитализма меритократический принцип распределения дохода и признания не соблюдается, и это служит источником напряжения и фрустрации. Развивая этот тезис, Дж. Янг пишет о двух формах несправедливости (в противоположность описанным Н. Фрейзер стандартам справедливости). Это, с одной стороны, относительная депривация, обусловленная несправедливым распределением вознаграждений, с другой – онтологическая неуверенность, которая проистекает из отказа в признании. При этом уточняется, что каждая из этих двух форм несправедливости функционирует на двух уровнях – экономическом и онтологическом (табл. 1). Другими словами, «индивиду может чувствовать себя неуверенным в экзистенциальном плане относительно своей идентичности (онтологическая неуверенность) и в отношении его биологического и физического существования (экономическая неуверенность) [12. Р. 161].

Депривация же «отсылает к нормативным стандартам, на фоне которых индивид может чувствовать себя лишенным того, чего он или она заслуживает, будь то вознаграждение или признание» [12. Р. 161].

Таблица 1. Основные формы неуверенности и депривации [7. Р. 61]

Уровень	Неуверенность	Депривация
Экономический	Экономическая неуверенность	Относительная депривация
Онтологический	Онтологическая неуверенность	Непризнание

Таким образом, постсовременное общество характеризуется ослаблением структур взаимности, основанных на легитимности распределения материального вознаграждения и признания. В ситуации, обусловленной распадом этих структур, хаоса и дезориентации возникает запрос на жесткий контроль границ между различными социальными группами. Можно, следовательно, заключить, что общество позднего модерна – это общество эксклюзии и сепарации.

Политика девиантности в обществе онтологической неуверенности: эссенциализация и культура контроля

Тезис о том, что современные западные общества – это общества исключения, на первый взгляд кажется неверным, особенно в свете того, что сам Дж. Янг пишет о восприятии носителей девиантности в модернистскую и постмодернистскую эпохи. Он, в частности, отмечает, что в модернистский период девиантный Другой описывался как блеклая, несовершенная копия «нормального» индивида. Речь, таким образом, шла о том, что девиант – это, прежде всего, тот, кто испытывает своего рода социальный дефицит, т.е. нехватку социализации, социальных навыков, культуры, самоконтроля и т.п. В период позднего модерна девиантный Другой уже не рассматривается в качестве неполноценной и не вполне сформированной личности, его качественное своеобразие более не оспаривается. «На этом этапе конструирование девиантных других как козлов отпущения в значительной мере устранило», – комментирует эту ситуацию Дж. Янг [6. Р. 96]. Вместе с тем он обращает внимание на то, что в обоих случаях речь идет о «пропасти между „ними“ и „нами“», о дистанцировании [7. Р. 6]. Таким образом, признание «самости» Другого отнюдь не означает его инклузии. Более того, подобное выстраивание дистанции между «нормальными» индивидами и индивидами девиантными – системообразующий элемент современного социального порядка: «...в обоих случаях девиант не угрожает социальному порядку, скорее напротив, он... помогает укрепить его. Приписывание инаковости, таким образом, – это ключевой механизм поддержания порядка» в обществе, пронизанном онтологической неуверенностью [Ibidem]. Ключевым инструментом при этом выступает эссенциализация.

В самом общем виде эссенциализм – это сведение всей сложности социальных явлений к какой-либо одной сущности. Соответственно, эссенциализация как стратегия исключения позволяет разделять людей на категории исходя из их культуры, происхождения, уровня материального достатка и т.п. В основе эссенциализма лежит человеческая способность к абстракции. Являясь «одной из мощнейших сил, которыми владеет современный ум», будучи применена к людям, она «лишает их лица: то, что от него остается, служит в качестве символа, знака принадлежности к группе, к категории, и

участь, уготованная обладателю лица, не больше, но и не меньше, чем отношение, предусмотренное для *категории*, к которой обладатель лица принадлежит всего лишь как ее *представитель*» [13. Р. 267]. Эссенциализация была востребована и в модернистский период, но сегодня она особенно актуальна, и главная причина этого – ее эффективность в качестве инструмента достижения онтологической безопасности.

Типичным объектом приписывания инаковости (англ. «othering») в современном обществе являются, к примеру, «бедные», или андеркласс. Изучаемые через призму эссенциализма, бедные «оны» предстают в первую очередь девиантами, т.е. акцент делается на порицаемых поступках представителей данной группы, в то время как «нормальные» активности, например выполняемая ими работа, в том числе легальные неформальные заработки, зачастую оказываются «незамеченными» и вытесненными на периферию общественного внимания. На помощь эссенциализму, позволяющему абстрагироваться от реальных Других, при этом приходят *«преуменьшение* („оны меньше, чем мы“) и *дистанцирование* („мы социально напрямую не связаны с ними“)» [7. Р. 6].

Важной характеристикой постсовременного общества является также «культура контроля преступности» [14], которая, как и эссенциализм, выступает в качестве инструмента адаптации к зыбкому, ненадежному и продукирующему неуверенность социальному миру. Эта культура проявляется, в частности, в том, что функции контроля отныне выполняют не только представители соответствующих служб, прежде всего полиции, но и рядовые граждане. Домохозяйства и локальные сообщества приспосабливаются к новой реальности, определенным образом переформатируя свою повседневную деятельность, например участвуя в патрулях граждан. Таким образом, речь идет о децентрализации и плюрализации социального контроля [15]. Одним из ожидаемых следствий этого является интенсивное развитие соответствующей, т.е. нацеленной на защиту безопасности, бизнес-индустрии.

На макроуровне эта культура контроля, главная функция которой – борьба с хаосом современного мира и минимизация чувств небезопасности и незащищенности, проявляет себя «снижением толерантности к девиантности, непропорциональным ответом на нарушение правил, быстрым прибеганием к мерам наказания» [7. Р. 12]. Пенитенциарная система, таким образом, также предстает институцией, выступающей в качестве инструмента управления пронизывающей общество неуверенностью [16].

Эмоции и генезис девиантности

Дж. Янг указывает на ограниченные возможности теории рационального выбора при поиске ответа на вопрос о причинах девиантности и преступности. Это обусловлено значительной ролью эмоций в процессах генерирования и контроля девиантности (т.е. эмоции сопровождают не только момент трансгрессии, но и спровоцированный ею социальный ответ) [7].

О какого рода эмоциях идет речь? Прежде всего, это эмоции фрустрированности, ведь «небезопасность и депривация... являются крайне эмоциональным опытом» [12. Р. 166]. Кроме того, по мнению Дж. Янга, интенсивные эмоции могут выступать в качестве оснований конституирования онтологической определенности, временно снимая проблему незащищенности.

сти. В этом отношении его идеи близки идеям Стивена Линга, автора концепции «хождения по краю» (англ. «edgework») [17]. В поисках объяснения того, почему люди вовлекаются в рискованные, опасные для жизни виды деятельности, он предполагает, что подобные неоднозначные формы активности позволяют хотя бы на мгновение преодолеть состояние отчужденности: «...отсутствие возможностей действовать спонтанно, реализовывать себя в рамках экономических и бюрократических структур может быть компенсировано стремлением к игре в свободное от работы время, особенно если речь идет об игре, которая предполагает наличие определенных умений и задействование фактора риска» [Ibid. P. 870]. В ходе этой рискованной, на грани фола «игры», в которой ставка – жизнь, индивид, используя страх как инструмент, словно бы выключает свое социальное «я» (ME в терминологии Г. Мида) и высвобождает «я» автономное (I), являющееся источником свободы, спонтанности и инициативы. Ярким примером такого «хождения по краю» является бомбинг, т.е. нанесение нелегальных граффити на объекты транспортной инфраструктуры и здания городов [18. P. 129–131].

Наконец, нельзя не упомянуть об эмоциях, сопровождающих бесконтрольное стремление к удовольствию. Как пишут С. Холл и С. Винлоу, «потребительские фантазии поощряют революционную идею о том, что пределов удовольствия... не существует. ...Наши данные исследований убедительно свидетельствуют о том, что одним из основных факторов в недавнем росте преступности и насилия является потребность человека в удовлетворении этих амбиций и желаний» [19. P. 46].

Итак, с одной стороны, неуверенность, фрустрация и отчужденность провоцируют эмоционально насыщенную реакцию, которая нередко идентифицируется в качестве девиантной либо даже преступной. С другой стороны, агрессивное стимулирование потребления одновременно стимулирует и эмоционально окрашенное стремление к неограниченным удовольствиям, реализация которого нередко оборачивается опять-таки нарушением норм.

Итак, во-первых, девиантное действие далеко не всегда является инструментальным, нередко оно экспрессивно; во-вторых, эта экспрессивность имеет в качестве своего источника противоречия, характеризующие общество позднего капитализма.

Заключение

Дж. Янг продемонстрировал взаимосвязь процессов стигматизации и напряжения, порожденного стремительными социальными трансформациями. Таким образом, он разработал объяснительную схему, в рамках которой удачно сочетаются нормативистски ориентированный и конструктивистский подходы к осмыслению девиантности. Еще одним достижением исследователя является обращение к вопросу девиантной мотивации в условиях его игнорирования в рамках доминирующего сегодня в социологии девиантности дискурса социетальной реакции [20. P. 96–97]. Наконец, к числу заслуг Дж. Янга можно отнести демонстрацию того, что девиантность – один из ключевых конструктивных элементов современной социально-экономической системы. Соответственно, если К. Самнер прав и «старая» социология девиантности мертва, то в условиях, когда девиантность является значимым социальным институтом [21. P. 433], мы определенно нуждаемся в «новой»

специализированной дисциплине, способной отрефлексировать отношения власти и подчинения и при этом не игнорирующей отражающие перспективу действующего вопросы девиантной мотивации и девиантного действия.

Литература

1. Best J. Whatever happened to social pathology?: Conceptual fashions and the sociology of deviance // Sociological Spectrum. 2006. № 26. P. 533–546.
2. Goode E. Does the Death of the Sociology of Deviance Make Sense? // American Sociologist. 2002. Vol. 33. P. 107–118.
3. Sumner C. The Sociology of Deviance: An Obituary. Buckingham: Open University Press, 1994.
4. Loseke D.R. Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. Avenel, NJ: Transaction Books, 2003.
5. Henderschott A. The Politics of Deviance. San Francisco: Encounter Books, 2002.
6. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. London: Sage, 1999.
7. Young J. The Vertigo of Late Modernity. London: Sage, 2007.
8. Лэйн Р.Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик, 1995.
9. Власова О.А. Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
10. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практис, 2011.
11. Fraser N. Justice Interruptus: Critical Reflections on the ‘Postsocialist’ Condition. New York: Routledge, 1997.
12. Schlembach C. Insecurity and the sociology of deviance: Jock Young against Talcott Parsons and the long shadow of C. Wright Mills – a comparative appreciation // Journal of Classical Sociology. 2016. Vol. 16, № 2. P. 155–172.
13. Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.
14. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford: Oxford University Press, 2001.
15. Schuilenburg M. The Securitization of Society. Crime, Risk, and Social Order. NY: NYU Press, 2015.
16. Wacquant L. The Penalisation of Poverty and the rise of Neo-Liberalism // European Journal on Criminal Policy and Research. 2001. Vol. 9, № 4. P. 401–412.
17. Lyng S. Edgework: A Social Psychological Analysis of Voluntary Risk Taking // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 95, № 4. P. 851–886.
18. Мельникова Е.А. Карьерные траектории граффити-райтеров: трансформируя давление в удовольствие и признание // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 1 (84). С. 132–141.
19. Hall S., Winlow S. Anti-nirvana: Crime, Culture and Instrumentalism in the Age of Insecurity // Crime, Media, Culture. 2005. Vol. 1, № 1. P. 31–48.
20. Horsley M. The “Death of Deviance” and Stagnation of 20th-Century Criminology // The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research. Ed. By M. Dellwing, J.A. Kotarba, N.V. Pino. NY: Palgrave Macmillan, 2014. P. 85–107.
21. Groenemeyer A. La normativité à l'épreuve. Changement social, transformation institutionnelle et interrogations sur l'usage du concept de déviance // Deviance et societe. 2007. Vol. 31, № 4. P. 421–444.

Melnikova Elena A. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

E-mail: leni.melnikova@gmail.com, emelnikova@hse.ru

DOI: 10.17223/1998863X/41/16

DEVIANCE IN LATE MODERN SOCIETY: FROM ONTOLOGICAL INSECURITY TO CULTURE OF CONTROL

Key words: deviance, ontological insecurity, Jock Young, social control.

The article discusses the viability of the sociology of deviance. Over the last few decades, the claim that this research specialty is dead has become increasingly vocal. The proponents of this idea suggest that the study of norm-violation in today's relativistic and pluralistic world is archaic and counterproductive. The paper assesses this argument by examining how the deviance is generated and managed under the conditions of late modernity. In these purposes, the theory of criminologist Jock Young is outlined. He took the concept of ontological insecurity from sociologist Anthony Giddens

(1990), while the latter in his turn took it from psychiatrist Ronald Laing (1960). Young concludes that ontological insecurity is one of the key topics for understanding the nature of deviance in postfordist societies. On the one hand, the feelings of insecurity generate the request for the creation of rigid lines of demarcation between social groups. Effective tool of such borders management is othering, i.e. actions by which a member of a group becomes classified as “not one of us”. Othering is based on the process of essentialization, i.e. attributing essential, natural characteristics to members of specific culturally defined groups. In addition, insecurity contributes to the development of the culture of control, including privatization and decentralization of social control practices (the rising private security sector and the increasing number of gated communities are the signs of it). On the other hand, feelings of insecurity are the sources of the deviant activities, including crime. Considering this, Young explores the phenomenon of expressive deviant actions, or voluntary risk taking activities in terms of Stephen Lyng, the author of the edgework theory. Thereby, examining the relationship between deviance and insecurity, J. Young creates the link between Robert Merton's strain theory and constructivist labeling approach. The paper concludes that deviance is one of the core elements of late modern society.

References

1. Best, J. (2006) Whatever happened to social pathology? Conceptual fashions and the sociology of deviance. *Sociological Spectrum*. 26. pp. 533–546.
2. Goode, E. (2002) Does the Death of the Sociology of Deviance Make Sense? *American Sociologist*. 33. pp. 107–118. DOI: 10.1007/s12108-002-1014-2
3. Sumner, C. (1994) *The Sociology of Deviance: An Obituary*. Buckingham: Open University Press.
4. Loseke, D.R. (2003) *Thinking About Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. Avenel, NJ: Transaction Books.
5. Henderschott, A. (2002) *The Politics of Deviance*. San Francisco: Encounter Books.
6. Young, J. (1999) *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. London: Sage.
7. Young, J. (2007) *The Vertigo of Late Modernity*. London: Sage.
8. Leyng, R.D. (1995) *Raskolotoe "Ya"*. St. Petersburg: Belyy krolik.
9. Vlasova, O.A. (2014) *Antipsikiatriya: sotsial'naya teoriya i sotsial'naya praktika* [Antipsychiatry: social theory and practice]. Moscow: HSE.
10. Giddens, E. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Translated from English by G. Olkhovikov, D. Kibalchich. Moscow: Praksis.
11. Fraser, N. (1997) *Justice Interruptus: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition*. New York: Routledge.
12. Schlembach, C. (2016) Insecurity and the sociology of deviance: Jock Young against Talcott Parsons and the long shadow of C. Wright Mills – a comparative appreciation. *Journal of Classical Sociology*. 16(2). pp. 155–172. DOI: 10.1177/1468795X15624189
13. Bauman, Z. (2010) *Akтуал'ност' kholokosta* [Modernity and the Holocaust]. Translated from German by S. Kastalskiy, M. Rudakov. Moscow: Evropa.
14. Garland, D. (2001) *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*. Oxford: Oxford University Press.
15. Schuilenburg, M. (2015) *The Securitization of Society. Crime, Risk, and Social Order*. New York: NYU Press.
16. Wacquant, L. (2001) The Penalisation of Poverty and the rise of Neo-Liberalism. *European Journal on Criminal Policy and Research*. 9(4). pp. 401–412. DOI: 10.1023/A:1013147404519
17. Lyng, S. (1990) Edgework: A Social Psychological Analysis of Voluntary Risk Taking. *American Journal of Sociology*. 95(4). pp. 851–886. DOI: 10.1086/229379
18. Melnikova, E.A. (2016) Graffiti Writers' Career Trajectories: Transforming Pressure into Pleasure and Recognition. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(84). pp. 132–141.
19. Hall, S. & Winlow, S. (2005) Anti-nirvana: Crime, Culture and Instrumentalism in the Age of Insecurity. *Crime, Media, Culture*. 1(1). pp. 31–48. DOI: 10.1177/1741659005050242
20. Horsley, M. (2014) The “Death of Deviance” and Stagnation of 20th-Century Criminology. In: Dellwing, M., Kotarba, J.A. & Pino, N.V. (eds) *The Death and Resurrection of Deviance. Current Ideas and Research*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 85–107.
21. Groenemeyer, A. (2007) La normativite a l'épreuve. Changement social, transformation institutionnelle et interrogations sur l'usage du concept de déviance [Normativity has the test. Social change, institutional transformation and questions on the use of the deviance concept]. *Deviance et societe*. 31(4). pp. 421–444.